Растительные мотивы в поливной керамике периода Золотой Орды

(На примере мотива лотоса)

В искусстве Востока цветы символизируют духовный расцвет и совершенство. Растительные мотивы и узоры цветов на одежде, украшениях, в оформлении интерьера, на предметах быта несли функцию оберега. Издревле каждая разновидность цветка наделялась своим сакральным смыслом.

В золотоордынском искусстве цветочно-растительный орнамент являлся одним из наиболее распространенных. Особенно часто встречается он в керамике, в частности на художественной посуде. Среди изображений цветов и растений на сохранившихся золотоордынских чашах наиболее популярны мотивы лотоса, гвоздики, тюльпана, лилии, пиона, василька и других растений. По своему происхождению цветы могут быть полевыми, степными и выращенными в садах.

Средневековые мастера искусно передавали характерные особенности растений. Среди них можно увидеть как распустившиеся цветы, так и бутоны, изображения плодов, листьев, побегов. Художник, оформляя изделие растительным узором, не только украшал его, но и наделял символическим смыслом, отражая эстетический идеал, сложившийся в искусстве Золотой Орды.

Мотивы цветов и растений часто трактуются реалистично, но есть и условные стилизованные изображения. Иногда на разнообразных чашах можно проследить развитие мотива цветка от изобразительной (реалистичной) к абстрактной его трактовке, когда мотив становится знаком, условно передающим заключенный в нем символ красоты мироздания.

Изображение лотоса наиболее часто встречается на золотоордынских поливных чашах. Нами были выбраны образцы чаш XIII-XIV вв. из археологических раскопок городов Болгар и Сарай-Бату, сравнительный анализ которых позволил выявить эволюцию изобразительной трактовки данного мотива и ее типы.

Рассмотрим мотив лотоса на сохранившемся фрагменте чаши из г. Болгара, который хранится в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике (рис. 1). Судя по его форме, он является частью дна чаши. Эта чаша, по-видимому, обладала рядом характерных черт, присущих всем золотоордынским чашам такого типа. Нередко художник располагал изображение цветка на днище чаши, богато декорировал внутреннюю часть, использовал подглазурную роспись и прозрачную поливу. Мно-

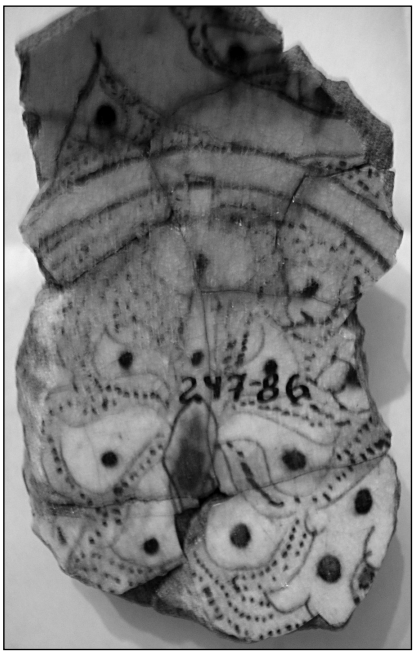

Рис. 1.Фрагмент поливной керамики XIII-XIV вв. Из фондов Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Фото из личного архива автора.

гочисленные темные крапинки на белом фоне также характерны для многих золотоордынских чаш, и не только украшенных мотивом лотоса. Беспорядочно разбросанные, они объединяют всю узорную композицию и заполняют свободное пространство. Лотос, изображенный на фрагменте, имеет шесть лепестков, сердцевину, стебель, и корень. На каждый из лепестков нанесено черное по цвету пятно, на двух — особенно крупное. Наиболее ярким элементом в рисунке лотоса является его сердцевина, изображенная в виде крупного неправильного овала бирюзового цвета. Темно-синие пятна нанесены на стебель и корень цветка. Вблизи от лотоса, в левом верхнем углу, расположен мотив, который скорее напоминает стилизованную рыбу, чем растение. На этот рисунок также нанесены два крупных темных пятна.

Судя по изображению, лотос произрастает из воды, поскольку темные пятнышки, беспорядочно разбросанные на светлом фоне, визуально передают водную поверхность. Изображение лотоса на керамическом фрагменте из Болгарского заповедника сильно отличается от подобных изображений на других сохранившихся чашах. Это явно проявляется в утолщении, имеющемся в нижней части цветка, заключенного в круг. Кроме того, лотос на фрагменте изображен с корнем, что символически передает его связь с родоплеменными корнями. Подобные изображения растений с корнями характерны для искусства степных кочевников.

Что касается чаш из раскопок в Сарае-Бату, то они, скорее всего, были изготовлены городскими ремесленниками. Об этом свидетельствует изображение лотоса на стебле и без корней; от стебля отходят веточки и образуют красивый узор, обрамляющий лотос. В данной трактовке изображение лотоса приближается к изображению «древа жизни» или куста — символа возрождения природы, плодородия, а также связи земли и неба.

Изображение лотоса на первой чаше из Сарая-Бату заключено в центральный круг, окруженный концентрическими полосами, расходящимися по поверхности чаши, которые завершаются каймой по ее краю (рис. 2). Лотос изображен на бирюзовом фоне, и вся чаша окрашена в бирюзовый, темно-синий кобальт, белый и черный цвета. На лепестках белого по цвету лотоса есть вкрапления темных пятнышек, темно-синее пятно расположено на сердцевине лотоса. Этот цветок отличается своеобразием формы. Во-первых, она не столь удлинена и не так сильно вытянута вверх, по сравнению с двумя другими лотосами. Его верхние лепестки трактованы менее крупно, чем боковые, последние красиво раскрыты в стороны. В отличие от лотоса с керамического фрагмента и лотоса на второй чаше из Сарая-Бату, данный цветок имеет семь лепестков, имеющих более сложную форму. В частности, контуру одного из лепестков, расположенного ближе к сердцевине, дано волнистое очертание, в то время как лепестки на двух других образцах переданы более стилизованно и без модуляций.

Окружающий фон у цветка на первой чаше позволяет раскрыть его семантику. В первом центральном круге вокруг лотоса изображены растительные мотивы, так же как и лотос окрашенные в белый цвет, вкраплениями темных пятнышек на бирюзовом фоне. В следующем кру-

Рис. 2. Поливная чаша с подглазурной росписью XIII-XIV вв.

Рис. 3. Поливная чаша с подглазурной росписью XIII-XIV вв.

ге даны изображения четырех мелких гвоздик, пространство между которыми заполнено узором, напоминающим листья лавра. В круге, расположенном ближе к краю чаши, можно увидеть достаточно реалистичные мотивы павлиньих перьев. Их часто можно встретить на изделиях из поливной золотоордынской керамики. Данный мотив, по мнению исследователей, символизирует идею света, красоты и благоденствия[1].

Примечательно, что композиция узора на первой чаше имеет как явно реалистические мотивы (лотос, цветы гвоздики, павлиньи перья), так и условно стилизованные. К последним можно отнести мотив лавра и орнаментальную кайму по краю чаши. Кайма в виде эпиграфического орнамента, скорее всего, условно передает характерную для подобных чаш надпись с пожеланиями всяческих благ.

В целом по изображению лотоса на представленной чаше можно сказать, что он трактован как цветок, произрастающий из земли, поскольку вокруг него размещен растительный орнамент и нет изображения водной поверхности. Очевидно, автор стремился включить изображение лотоса в узорную композицию, придав ему декоративное значение. Однако, учитывая характер композиции и образность, присущие восточному искусству, можно предположить, что узор на чаше передает тему райского сада. Цветущий лотос в этом саду свидетельствует об эстетическом, духовном содержании символики, заключенной в его изображении.

Лотос на другой поливной чаше, украшенной подглазурной росписью, изображен на дне, в центральном круге (рис. 3). Фон чаши белый с множеством темных пятнышек, заполняющих свободное пространство между мотивами и придающих целостность композиции. Вокруг лотоса четко прорисован растительный узор в виде побегов, отходящих от центрального стебля. Лотос изображен с шестью лепестками и, по сравнению с лотосом на первой чаше, трактован условно. Его лепестки, сердцевина и окружающие мотивы, так же как и на первой чаше, представлены вкраплениями темных пятен.

Сохранились и другие чаши, в декоре которых используется мотив лотоса. Поливные и с подглазурной росписью, они также происходят из раскопок в Сарае-Бату, однако мотив лотоса используется в их композиции по-иному. На одной чаше лотосы (всего пять) изображаются на всей поверхности чаши, размещаясь в определенном ритме вокруг центрального мотива, представленного в виде цветочной розетки, скорее всего выступающей как символ солнца (рис. 4). Каждый из лотосов заключен в медальон с фестончатыми краями. На другой чаше лотос заключается в центральный круг, но по размерам и характеру условной, даже схематической, изобразительной трактовки он не отличается от окружающих его шестилепестковых цветов,

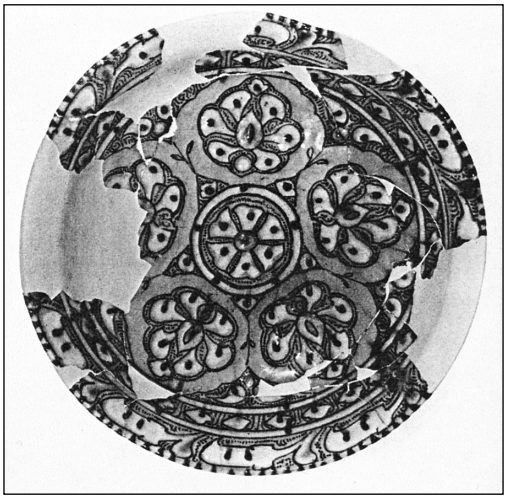

Рис. 4. Поливная чаша с подглазурной росписью XIII-XIV вв.

Рис. 5. Поливная чаша с подглазурной росписью XIII-XIV вв.

размещенных по всей поверхности чаши (рис. 5). Изображение цветов, как и самого лотоса, передается сугубо абстрактно. В отличие от предыдущих чаш, изображение лотоса на последней чаше используется как декоративный мотив и композиция близка к ковровой, т. е. теряется значение мотива лотоса как символического образа. Это свидетельствует о том, что со временем развитие мотива лотоса шло от символико-изобразительной трактовки к орнаментально-декоративной. Это соответствовало тенденции развития стиля и изобразительного языка восточного искусства.

Как видим, изображение цветка лотоса встречается в разных типах композиций. В первом типе, к которому относятся три первых изображения, лотос является центральным мотивом и отличается условно-реалистической изобразительной трактовкой; во втором типе (предпоследняя из рассматриваемых чаш) изображение лотоса размещается по всей поверхности чаши, вокруг другого центрального мотива и отличается орнаментальной трактовкой; в третьем типе (последняя чаша) мотив лотоса находится в пространственном центре композиции, однако теряет свое главенствующее значение в равноценном с ним узоре, составленном из цветочных мотивов, отличающихся, как и лотос, абстрактной изобразительной трактовкой.

На рассмотренных чашах изображение лотоса, скорее всего, символизирует чистоту, поскольку это сосуды, из которых пьют. В золотоордынском искусстве мотив лотоса был также символом ханского рода или власти. Например, он являлся центральным мотивом на шапке Мономаха, которая, по мнению исследователей, являлась женским свадебным убором[2]. Этот мотив был также популярен в ювелирном искусстве, художественном металле Золотой Орды и требует сравнительного изучения в разных видах прикладного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ремпель Л. И. Цепь времен: Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент, 1987. – С. 192.

2. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны русских царей — памятники русской культуры // Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997. – С. 416.

Фото, за исключением указанного, из книги: Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. – М., 1976. – С. 139, 138, 142, 143.

Елена Давлетшина,
аспирантка Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ